

Лунный свет разливался подобно чистой воде, и темные кроны деревьев ложились на землю густыми пятнами, колыхаясь в такт ночному ветру.

Со стороны Старого поселения изредка доносился глухой собачий лай.

Цикады и ночные жуки, что громче всего распевали в предвечерний час, теперь поутихли, убаюканные ночной прохладой.

Легкий ветерок прокрадывался сквозь узкие оконные щели внутрь комнат, принося с собой приятную свежесть.

— Что?!

Уже улегшийся было в постель Пэй Юва в полном изумлении сел на кане.

Чэнь Чжи сердито зыркнул на него и прошипел:

— Да тише ты, не ори!

Пэй Юва всё еще не верил своим ушам, полагая, что ослышался, и потрясенно переспросил:

— Всё, что ты говоришь... это правда?

Чэнь Чжи лишь помрачнел пуще прежнего и не проронил ни слова. Кому придет в голову шутить такими вещами?

И пусть в комнате царил густой полумрак, Пэй Юва отчетливо разглядел выражение лица своего супруга — тот смотрел на него так, словно готов был вклепить затрещину. Но мужу сейчас было не до обид.

— Пэй Яо?.. Чанся?.. — растерянно бормотал он под нос, всё еще не в силах вместить услышанное.

— А как же то сватовство, о котором ты давеча толковал?.. — вполголоса спросил Пэй Юва.

Чэнь Чжи утомленно потер переносицу и глухо обронил:

— Какое теперь сватовство... Понятное дело, всё отменяется.

Они долго молчали, после чего снова опустились на подушки.

В полной темноте Пэй Юва долго лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок и позабыв о сне. Лишь когда Чэнь Чжи рядом шумно перевернулся на другой бок, он наконец заставил себя сомкнуть веки.

Ночь становилась всё глубже, и в соседних домах люди давно видели десятый сон, и лишь в усадьбе семейства Пэй обитатели ворочались с боку на бок, не в силах сомкнуть глаз от нахлынувших дум.

*

Утренняя трапеза прошла безвкусно и уныло, словно все жевали сухую солому.

Глаза Чанся всё еще оставались припухшими от слез; он сидел, низко опустив голову, и не

смел ни на кого поднять взор.

На теле Пэй Яо живого места не осталось: пониже спины еще куда ни шло, а вот весь хребет, бедра и голени были исчерчены багровыми и синими полосами. К тому же, пока он закрывал голову руками, защищаясь от палки, ему знатно прилетело по предплечьям, так что руки теперь ныли при каждом движении.

Доу Цзиньхуа очень хотелось замолвить словечко за внука, дабы смягчить обстановку, но сегодня даже обычно мягкий Пэй Юва сидел с мрачным лицом, так что старушка лишь беззвучно пошевелила губами и в конце концов промолчала.

Старики так и остались в полном неведении относительно того, какой именно грех совершили их дети.

Эта гнетущая, удушливая тишина затянулась надолго. Пэй Юва и Чэнь Чжи даже не пошли с утра в поле; закончив скудный завтрак, они просто сидели в главном зале в полном молчании.

Видя такое дело, Чанся не осмеливался выйти за калитку, чтобы набрать травы для свиней. Пэй Яо тоже проявил благоразумие — сидел смирно, не бегал по деревне и помалкивал.

Дедушка Пэй Цзаоань прекрасно понимал, что ныне он в доме хозяин лишь номинальный и его слово мало что значит. Видя, как двое ребят замерли от страха, точно мыши перед кошкой, и понимая, что расспросами от них ничего не добьешься, он лишь подивился их скрытности.

На сердце у старика было скверно. Сердито зыркнув на сына, он, заложив руки за спину, вышел на огород.

Потоптавшись у грядок и не найдя себе занятия, он отвязал от пояса старую табачную трубку, зашел во двор, выудил из-под глиняного очага тлеющую щепку и, раскурив табак, снова уселся на корточки перед огородом, задумчиво затягиваясь горьким дымом.

Пэй Юва, к которому лишь теперь в полной мере пришло осознание всей дерзости и мерзости поступка сына, выглядел крайне сурово.

Ему и самому страсть как хотелось проучить сорванца и всыпать ему как следует, но сейчас для этого было не время — вчера парень и так получил сполна, к тому же старики были дома.

Об этом срамном деле нельзя было разносить весть по округе. На их счастье, дом стоял особняком, поблизости соседей не было, так что вчерашние яростные крики и брань Чэнь Чжи никто из чужаков не услышал.

Чэнь Чжи и сам никак не мог взять в толк: даже если отбросить мысли о замужестве приемыша на стороне, ведь стоило Пэй Яо войти в положенный возраст, и их брак с Чанся устроился бы сам собой, чин по чину. И зачем только этот паршивец устроил такое непотребство?

Пусть даже Чанся с малых лет воспитывался в их доме как нареченный супруг, но законы приличия и скромность никто не отменял — это вещи первостепенной важности!

Все эти нежные вздохи да девичьи бредни — бог с ними, дело молодое. Больше всего папа страшился того, что этот негодник по глупости обрюхатит Чанся еще до свадьбы.

Слава предкам, что он успел поймать их вовремя!

Впрочем, если поразмыслить здраво, каким бы беспутным ни был Пэй Яо, пойти на крайний грех и лишить Чанся непорочности втайне от родителей он бы, пожалуй, не посмел.

Перебирая в голове эти невеселые думы, Чэнь Чжи чувствовал лишь смертельную усталость.

Чанся от природы был слишком смирным и боязливым.

А Пэй Яо как раз вошел в тот самый упрямый, дерзкий возраст, когда в голове у парней гуляет всякая дурь. К тому же они выросли под одной крышей, с колыбели зная, что им суждено стать супругами — вот от праздного любопытства да молодого задора парень и натворил глупостей...

Эта удушливая, давящая атмосфера наконец рассеялась, когда Чэнь Чжи тяжело, сокрушенно вздохнул.

Он поднялся со скамьи и сухо бросил:

— Ладно, хватит сидеть. Ступайте каждый к своему делу.

Жизнь продолжается, и толку от того, что все будут ходить с кислыми минами, никакого.

Вскинув взор, он заметил следы вчерашних побоев на лице сына.

Чэнь Чжи прекрасно помнил, с какой силой опускал дубину, так что синяков на теле парня наверняка было в избытке. Однако Чэнь Чжи чувствовал к сыну лишь глубокое раздражение, а потому и думать не желал об этом упрямом негоднике — просто сделал вид, будто ничего не заметил.

Пэй Яо проводил взглядом Чанся, который как раз подхватил бамбуковую корзину с серпом и направился к выходу. Парень инстинктивно дернулся было следом, но не успел сделать и шагу, как его остановил суровый голос Чэнь Чжи:

— Иди коли дрова.

Осадив сына, Чэнь Чжи повернулся к Доу Цзиньхуа и ласково промолвил:

— Матушка, вы ступайте вместе с Чанся за травой. Да много в корзину не набивайте, чтобы спину не надрывать. Коли наберете лишку и нести будет тяжело, сидите на месте — я чуть позже выкрою минутку да приду подсобить.

— Ладно, — отозвалась Доу Цзиньхуа.

Бросив сочувственный взгляд на унылого старшего внука, она поспешила вслед за Чанся за ворота.

*

Чужие люди странных перемен в семействе Пэй не заметили. Когда в дом заглядывали соседи или когда приходилось бывать на людях, и Чэнь Чжи, и Пэй Юва вели себя как обычно — шутили, смеялись и ни единым намеком не выдавали семейной грозы.

Чанся от природы был молчаливым, так что его тихий нрав ни у кого удивления не вызывал.

Разве что Пэй Яо после папиной науки ходил с трудом. Трудную работу — таскать тяжести или ворочать бревна — он, пересиливая себя, выполнял, но стоило ненароком задеть ушибленное

место, как парень невольно кривился и стискивал зубы от боли.

Его верный приятель Ян Фэннянь и другие деревенские парни сразу почуяли неладное. Они принялись допытываться, какую такую провинность он совершил, что старшие разукрасили его столь усердно.

Открывать истину Пэй Яо, понятное дело, не стал. Он лишь отмахнулся, соврав, будто по глупости сломал дорогую домашнюю утварь.

В крестьянских домах припасов да ценных вещей кот наплакал, так что за порчу имущества получить от родителей — дело привычное, и расспросами парня более не донимали.

Вот только с тех пор Чанся оказался под строжайшим присмотром. Куда бы он ни направлялся — в лес ли за хворостом, на луг ли за свежей травой, или просто хозяйничал на кухне — Чэнь Чжи, коли сам не мог оставаться рядом, непременно наказывал Доу Цзиньхуа ходить за приемышем по пятам. Словом, вокруг юноши возвели настоящий строгий дозор.

Что же до Пэй Яо, то даже родной отец теперь глядел на него с явным пренебрежением.

Кабы Пэй Юва самолично не узрел синие да багровые полосы на спине сына и не уразумел, что супруг его лупил парня не жалея сил, он бы и сам непременно нашел повод всыпать сорванцу еще разок.

Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань, сокрушаясь над побитым старшим внуком, усердно втирали ему целебные мази да варили жирный бульон на косточках, дабы тот поскорее восстановил силы. Они даже освободили его от тяжелых трудов, велев смирно сидеть да заживлять раны.

Старики не знали истинной причины гнева, а Чэнь Чжи препятствовать их заботе не стал — пускай ухаживают, коли делать нечего.

Пэй Яо, чувствуя за собой вину, понимал, что любое его слово сейчас лишь усугубит дело. Чтобы лишний раз не мозолить глаза родителям, он старался вести себя тише воды, ниже травы. Лишь изредка, улучив минутку, когда Чэнь Чжи и Пэй Юва отлучались из дома, он успевал перекинуться с Чанся парой слов.

Да и речи их теперь были лишь о самых обычных, повседневных пустяках.

Доу Цзиньхуа порой подмечала, что между названными братьями пробежала какая-то кошка, но из их редких фраз понять ничего не могла.

И пускай нельзя сказать, будто над усадьбой Пэй кружили черные тучи, но в такой тягостной, мрачной атмосфере семейство прожило без малого полмесяца.

Вскоре по утрам и вечерам стало заметно свежеть — знойное, душное лето подходило к своему исходу.

— Личинки цикад! Кому последние личинки цикад? — послышался звонкий голос Чэнь Чжи, едва они повернули в переулок Зеленых Тунгов.

Фулан нес в руках прикрытый холстиной бамбуковый лоток, а Чанся покорно шагал следом, неся за спиной пустую корзину.

Последние пару ночей Пэй Яо, вооружившись факелом, усердно лазил по лесной чаще,

высматривая в траве и на стволах деревьев заветных жуков. Ему удалось собрать без малого полцзиня жирных личинок.

В самый разгар лета, коли не лениться, за одну ночь можно было легко набрать целый цзинь, а то и два. Но теперь, на исходе лета, это были последние крохи, так что и торговали они ими в нынешнем году в последний раз.

Это лакомство, обжаренное в масле со специями, получалось на диво пахучим и вкусным, но лакомились им простые люди всего несколько раз в году, исключительно в летнюю пору.

Сезонный товар всегда расходился быстро. Не успели они пройти и половины переулка, как сидевшая у ворот пожилая почтенная женщина поманила Чэнь Чжи рукой:

— Почем отдаешь, торговец?

Чэнь Чжи аккуратно приподнял холстину на лотке, являя миру копошащихся живых личинок, и вежливо промолвил:

— Тут всего полцзиня наберется, матушка. Отдайте шестнадцать вэней — и по рукам.

К лотку тут же подбежали несколько дворовых ребятишек, а молодая женщина с младенцем на руках тоже подошла ближе, с любопытством заглядывая внутрь.

Старушка окинула взором товар, запустила руку в лоток и, убедившись, что все личинки живые и бодрые, прищелкнула языком:

— Шестнадцать вэней? Дороговато просишь, милый.

Чэнь Чжи с улыбкой возразил:

— Как в народе говорят: «Редкий товар и в цене дорог». Нынче цикад днем с огнем не сыщешь, никто уж не ловит. К тому же в самый разгар сезона за цзинь просили по тридцать-сорок монет, так что шестнадцать вэней за половину — цена самая что ни на есть честная.

Старушка и сама прекрасно знала здешние цены. Видя, что торговец уступать не намерен, она немного подумала и промолвила:

— Ладно, постой здесь, пойду принесу весы.

— Хорошо, я подожду, — согласно кивнул Чэнь Чжи.

Пожилая женщина быстро вынесла из дома весы с глубокой чашей.

Чэнь Чжи аккуратно пересыпал личинок на весы. Несколько шустрых жуков попытались было расползтись в разные стороны и шлепнулись на землю, но Чанся ловко переловил их и вернул обратно.

Увидев, что стрелка весов качнулась, показывая добрый лишний лян веса, Чэнь Чжи весело примолвил:

— Вот, матушка, сами видите — у нас всё без обмана, вешаем с лихвой, чужого не берем. Этот лишний лян пускай вам в подарок будет, монет за него я не возьму.

— Ох, спасибо, порадовал! — старушка так и расплылась в довольной улыбке.

Она резво достала из-за пазухи расшитый кошель и споро отсчитала нужные монеты.

Стоявшая рядом молодая женщина посмотрела на неё с явной завистью.

Семья у этой пожилой почтенной женщины жила в достатке, сыновья и дочери выросли почтительными и во всем угождали матери. Сама она ни в чем нужды не знала, денег в руках водилось в избытке, да и здоровье позволяло лакомиться чем душевнее угодно — словом, была женщиной счастливой. Не то что они, молодые невестки, у которых каждая монета на счету и во всем приходится подчиняться старшим.

Переулок Зеленых Тунгов был густо засажен раскидистыми деревьями, чьи листья дарили приятную прохладу.

Но стоило им выбраться на главную торговую улицу городка, где деревьев не было, как яркие солнечные лучи заставили их невольно зажмуриться.

Удачно сбыв личинок в самом начале пути, Чэнь Чжи бережно опустил шестнадцать монет в кошель, и на душе у него сделалось радостно.

Время близилось к середине часа Змеи [около 10:00 утра]. Солнце припекало, но зной был вполне терпимым. Чэнь Чжи ходко зашагал по мостовой, ведя Чанся к лавке тканей.

Домашние полотна из конопли и хлопка, сколько их ни крась своими силами, без умения городских мастеров-красильщиков всё равно выходили блеклыми и невзрачными. Для работы в поле такая одежда годилась, но коли нужно было выйти в люди или справить приличный наряд, без покупной ткани из городской лавки обойтись было никак нельзя.

Тканевая лавка семейства Лю славилась на всю округу своими честными, невысокими ценами и добротным товаром. Словом, продавали там недорого, да к тому же одинаково вежливо и почтительно встречали как городских богачей, так и простых деревенских тружеников. Оттого и народу из окрестных деревень здесь всегда толклось великое множество.

Едва они переступили порог, как перед их глазами предстала суетная картина: покупатели шумно выбирали отрезы.

На широких прилавках лежали раскинутые свитки тканей, а на пристенных полках ровными рядами теснились новые рулоны.

В лавке Лю торговали и дорогим шелком с узорной парчой. Но в делах торговых закон один: за хороший товар и платить надобно сполна, так что цены на шелка кусались.

Для простого люда настоящим спасением были аккуратные рулоны крашеного хлопка и тонкого холста, которые стоили сущие гроши.

Стоило Чэнь Чжи и Чанся войти, как подбежавший приказчик успел лишь вежливо бросить им: «Смотрите, выбирайте, что душе угодно!» — после чего тут же умчался отмерять отрез другому, более спешному покупателю.

Видя, что в лавке не протолкнуться, Чэнь Чжи не спеша прошелся вдоль полок, прислушиваясь к тому, какие ткани выбирают другие.

Взор Чанся вмиг оказался пленен этим буйством красок: здесь были рулоны густого индиго, нежной лазури, яркой киновари, сочного лимонного цвета, а также ткани оттенка цветущего

абрикоса и глубокого пурпура.

Дорогие шелка переливались под лучами солнца мягким, благородным блеском, с первого взгляда заявляя о своей высокой стоимости. Полюбовавшись на них, Чанся послушно перевел взгляд на полки с простым хлопком.

Какую ткань купить — это решал папа, а сам Чанся просто любил любоваться на красивые, яркие вещи.

Чэнь Чжи приметил рулон нежно-зеленого, почти мятного хлопка. Расспросив о цене и сравнив его с двумя другими отрезами, он подозвал к себе приемыша и принялся прикладывать ткань к его плечам, примериваясь к росту.

Чанся был бел лицом и молод годами. И хотя он с утра до вечера трудился под открытым небом, заставляя кожу подставляться ветрам и солнцу, лицо его не потемнело и не сделалось землисто-желтым — природная стать в нем ясно виделась.

Этот нежно-зеленый оттенок выглядел изысканно и скромно, без излишней кричащей пестроты.

Чэнь Чжи приложил к его груди другой кусок — глубокого синего цвета, но покачал головой и отложил в сторону.

На фоне густого синего цвета кожа Чанся казалась еще белее, но нежно-зеленый отрез делал его облик удивительно свежим и чистым. В такие-то года он был еще совсем юнцом, и подобные светлые, свежие краски подходили ему как нельзя лучше.

В богатых городских домах молодые шуанъэры и вовсе щеголяли в нежно-розовых одеждах, благоухая и пламенея красками, точно нежные цветы персика — на диво красиво и благородно.

Но для детей простых тружеников розовые наряды не годились — на деревенском жителе такая одежда смотрелась бы нелепо и странно.

В конце концов Чэнь Чжи выложил двести взней и купил половину свитка. Этого отреза вполне хватало, чтобы сшить для Чанся добротную длинную рубаху-халат, а из оставшегося куска можно было скроить легкую короткую куртку для Пэй Йо.

Даже после этого должен был остаться небольшой лоскут — его папа решил припрятать про запас: со временем, глядишь, родится в доме младенец, так из этих остатков выйдет отличная мягкая одежда для малыша.

При раскрое швейного дела всегда остаются мелкие обрезки — их можно будет собрать вместе, простегать хорошенько и обтянуть пару обувных стелек: одну для себя, другую для Доу Цзиньхуа.

Что же до Пэй Цзаоаня и Пэй Юва, то они были мужчинами, и ходить в обуви с такой нежной подкладкой им было не по чину.

Бережно прижимая к груди купленный отрез ткани, Чанся последовал за Чэнь Чжи. По пути они заглянули в лавку сластей, купили несколько свертков с печеньем, уложили всё в бамбуковую корзину и пустились в обратный путь к родной деревне.

Как ни крути, а больше всего в этой истории пострадал именно Чанся — этот беспутный

сорванец воспользовался его кротостью и обидел сироту.

Миновало полмесяца. Пэй Яо притих и ходил шелковым, а Чанся целыми днями ходил унылым и грустным, словно к нему вернулась та самая робкая пугливость, с которой он впервые переступил порог их дома много лет назад. Юноша даже заметно похудел и осунулся.

Чэнь Чжи видел это и сокрушался в душе: «Совсем еще дитя, а стыда-то сколько натерпелся — лицо от смущения поднять не может». Кого следовало побить — того уже побили, да и до страшной беды дело, слава предкам, не дошло.

К тому же в тот памятный день Пэй Яо божился, что они лишь целовались несколько раз и сотворить непотребство у него и в мыслях не было. Стало быть, дело прошлое, пора и честь знать.

Ежели и дальше ходить коршуном да попрекать детей старым грехом, так у любого человека на душе чернота останется и характер испортится.

Вот папа и решил сшить приемышу новый наряд, дабы вернуть тому благостное расположение духа.

Пускай у Чанся будет одна добротная, красивая длинная рубаха. В будни-то ходить в ней не с руки — для работы на огороде она неудобна, а вот для праздников да походов в гости к родственникам — в самый раз.

Выслушав рассуждения Чэнь Чжи, Доу Цзиньхуа согласно закивала головой. Она по-прежнему оставалась в полном неведении о случившемся, но видя, что Чэнь Чжи наконец сменил гнев на милость и даже купил ткани на новые одежды для обоих внуков, старушка несказанно обрадовалась.

Чэнь Чжи устроился в своих покоях и принялся споро обмерять отрез ткани. Пэй Яо подошел к приоткрытой двери и замер на пороге, выказывая явное колебание.

— Чего тебе? — недовольным тоном обронил папа, не прерывая работы.

Пэй Яо, чувствуя, как внутри у него всё замирает от волнения, с трудом пересилил себя и тихо спросил:

— Папа... а когда ты нам с Чанся свадьбу сыграть позволишь?

<http://bllate.org/book/17875/1728846>